

АНАТОЛИЙ
ДУБРОВНЫЙ

РЫЖАЯ НЕКРОМАНТКА

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЛИСТИКА

Возвращение Листика

Анатолий Дубровный

Рыжая некромантка

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Дубровный А.

Рыжая некромантка / А. Дубровный — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого», — (Возвращение Листика)

Богини не умирают, они просто исчезают, развоплотившись, но могут вернуться, и вполне возможно, что этого не произойдёт, тогда развоплощение богини равноценно смерти. И возвращаясь надо пройти нелёгкий путь обретения себя, но этот путь надо проделать самостоятельно. Любой шаг в сторону уведёт с намеченной дороги и возрождения не состоится, будет совсем другая личность, другое существо не помнящее, кем она была раньше. Идущая познает горечь утрат и радость побед, дружбу и предательство, ей придётся пережить не только это, на этой дороге идущую ожидает смерть, только так она сможет стать прежней. И сможет ли это осилить маленькая рыжая девочка, не помнящая себя?

© Дубровный А.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Найдёныш	8
Глава 2. Сельские будни	18
Глава 3. Некоторые особенности освещения и отопления	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Анатолий Дубровный

Рыжая некромантка

Пролог

Кони поднятой по тревоге корты, приданной особой команде Иртувеля, шли рысью почти сутки. Подобный темп похода обеспечивала магическая подпитка, бедные животные будут совсем истощены, после такого похода им потом потребуется длительный отдых, но сейчас надо было спешить. Старший инспектор комиссии по борьбе с незаконной магией Иртувель почувствовал творимое чёрное колдовство, сопровождаемое многими человеческими смертями. Губернатор провинции, понимая опасность творимого, вместе с командой Иртувеля послал конную корту, а это триста всадников! Люди, как и кони, находились под воздействием магической подпитки, вполне возможно, с марша придётся вступить в бой и отдыхать будет некогда. Расстояние в триста алл было пройдено за сутки, и на рассвете маги Иртувеля и корта сэра Муура вышли к деревне, вернее к тому, что от деревни осталось. На месте крестьянских изб и храма Ирхи дымились пепелища.

– Сгорело всё, оно и понятно – рядом лес. Он хоть и проклятый, но древесина там хорошая, вполне пригодная для строительства, – произнёс сэр Муур, с грустью оглядывая то, что осталось от жилищ людей, у него была надежда дать отдых людям и лошадям в деревне, да и продуктами и фуражом разжиться здесь же, но... Ещё раз оглядев сожженное селение, сэр Муур спросил у Иртувеля:

– Что скажете, ваша ясноликость?

– А вы? Как воин, что предположили бы? – ответил вопросом на вопрос один из команды инспектора комиссии по борьбе с незаконной магией. Его помощник, как и сам Иртувель, был эльфом – магом жизни. Рыцарь на несколько мгновений задумался, потом ответил:

– Думаю, было нападение, жители деревни, его предвидя, наняли отряд воинов. Все защитники полегли в неравной схватке, а жителей угнали в рабство, понятно, что это сделали утуранцы. Хотя... Мимо наших застав им пройти незамеченными не удалось бы. Как они смогли пройти через проклятый лес? А ведь отряд должен был быть не маленький! Похоже, магия. Только так можно пройти через... Когда-то король Утурании решил ударить с тыла по защитникам благословенной Саланы и послал пусть не армию, но очень сильный отряд через проклятый лес. Большинство там были орки, но были и люди. Это я к чему? Кроме магов там были и орочы шаманы. Этот отряд вошёл в лес и больше о нём никто ничего не слышал. Исчезли! На опушке проклятый лес – обычный лес. Можно собирать грибы-ягоды, рубить деревья. Но идти в чащу... Иногда оттуда вылезают такие твари! Да и ходить в этот лес лучше с оберегом. Местные жители так и делают. А почему бы и нет? Грибы и ягоды тут больше обычных, древесина крепче, а травницы собирают целебные растения, каких нет в других лесах.

Эльф кивнул, это всё он знал и раньше. Проклятым этот лес назывался из-за магического фона, способствовавшего появлению чудовищной нежити, но это было в глубине леса (хотя, как говорил сэр Муур, чудовища появлялись и на опушке, нападая на людей, только защитные круги вокруг деревень и спасали). Кивнув, Иртувель задумчиво произнёс:

– Такой всплеск магии мы почувствовали бы раньше – когда этот, как вы говорите, отряд ещё бы только шёл через проклятый лес, но ощутили мощный выброс только тогда, когда здесь творилось чёрное колдовство. Кто-то применил заклинания некромантии очень большой силы! Обратите внимание на убитых, вам они никого не напоминают?

В этот момент один из солдат корты сэра Муура перевернул убитого воина. Командир корты понял, что казалось ему странным в этих трупах, сэр Муур, скорее утверждая, чем спрашивая, сказал:

– Зомби? И, похоже, уже упокоенные. Совсем свежие, непонятно, зачем было поднимать, чтоб сразу и упокоить? Или это был самопроизвольный подъём? Но тогда кто или что их убило? И что вызвало подъём такого количества мертвецов?

Иртувель посмотрел на одного из своих помощников, тот соскочил с коня и наклонился над трупом воина, потом перешёл к следующему, затем ещё к одному, делая над ними какие-то манипуляции руками. Закончив, эльф подошёл к рыцарю и магу и доложил, что ему удалось выяснить:

– Огонь, их убил огонь! Но не сжигающий, потому что если ожоги и есть, то очень незначительные, огненным ударом вокруг них сожгли воздух и жгли до тех пор, пока эти несчастные на задохнулись. Потом их подняли и упокоили, а потом снова подняли...

– А потом опять... – почти прошептал рыцарь, – но это же...

– Да, – кивнул головой эльф, – их лишили посмертия. Они не смогут возродиться, мало того, их души отправлены во владения Тофоса.

При этих словах, все, кто слышал это имя, сделали знак, отгоняющий демонов. А сэр Муур с ужасом произнёс:

– За что же их так? Целую деревню? Кто это сделала? Некромант? Но какой же надо обладать силой, чтоб сотворить подобное колдовство?

В это время к сэру Мууру и Иртувелью подошёл ещё один эльф и показал в сторону особенно большого пепелища, даже не пепелища, а выжженного пятна:

– Вон там был деревенский храм Ирхи, – Иртувель и Муур кивнули, они это поняли и раньше, а эльф, помощник командира магов жизни, продолжал: – Там сгорели все жители деревни. Их туда снесли уже мёртвых и устроили погребальный костёр. Храм только начал гореть, а дома в деревне уже всюду полыхали, а этот кто-то, а, похоже, он был один – отпечаток ауры единственный, перенёс всех жителей в храм Ирхи и устроил большой погребальный костёр!

Иртувель словно прислушался:

– Да, вы правы, следы ауры очень затёрты, но этот неизвестный был один. Как ему удалось такое совершить, непонятно, ведь здесь всё полыхало, а выносить мёртвых жителей деревни... Ведь многие из них были убиты в своих домах. Именно убиты, причём, жестоко убиты! Я чувствую эманации боли и страха.

– То, что жестоко убиты, вполне подходит нашему предположению о жестоком некроманте, так безжалостно, изуверски расправившегося с защитниками деревни. С жителями деревни он поступил также, но зачем ему надо было их так хоронить? Огненное погребение – весьма почётно, это удел дворян! – несколько растерянно произнёс сэр Муур. Иртувель кивнул и поёжился:

– Не хотел бы я с ним встретиться один на один и без соответствующих амулетов, такая сила! Убить такое количество людей, да потом сделать столько зомби, да ещё несколько раз!

– Да, – поддержал своего начальника эльф, – сила огромная, тем более что второй раз поднятые почти не восприимчивы к магии, их упокоить ой как трудно!

– Куда он направился? – с беспокойством спросил Иртувель у ещё одного своего подчинённого, только подошедшего. – Не дай Ирха, в обжитые земли!

– Вообще-то как-то странно. Этот некромант ушёл в проклятый лес. Следы отслеживаются до опушки. А потом он словно растворился, но не среди деревьев, до них он не дошёл, а в траве! Следы исчезли, и отпечаток ауры исчез!

– Отпечаток ауры – некроманта? Исчез среди травы? Если это окажется перворождённый... Хотя это в принципе невозможно! – в замешательстве почти воскликнул Иртувель.

– Да нет, – ответил шедший по следам эльф, – аура именно некроманта, хоть и странная. У меня сложилось такое впечатление, что он шёл и умирал – аура исчезала! Именно исчезала, на окружающих растениях сохранились её отпечатки. А они ясно говорят об её угасании!

Дальнейшие поиски как магические, так и обычные ничего не дали – никаких следов некроманта обнаружить не удалось, не удалось и воссоздать картину произошедшего в деревне. Уже вечером, сидя у костра, внутри защитного круга, сэр Муур попытался понять, что же произошло в этой деревне:

– Что мы имеем? Имеем деревню и хорошо вооружённый отряд. Это не рыцари, но оружие у них соответствует ударным отрядам армии Саланы. Значит, это не просто наёмники, а кто-то посерьёзнее. Как они оказались в этой деревне, далеко от театра военных действий? Допустим, жители деревни узнали о том, что сюда через лес идёт отряд утуранцев...

– Через проклятый лес? – хмыкнул Иртувель. – Это невозможно! Да и если допустить, что такой отряд прорвётся сюда, то до порядков нашей армии на границе не дойдёт, его обнаружат и уничтожат раньше, какой бы он сильный не был.

– Пусть не отряд, маленькая армия. Я говорю – допустим, утуранцы нашли способ пройти через проклятый лес, ведь он расположен и на их территории. Войдя в него там, можно выйти здесь!

– В ваших рассуждениях несколько неувязок, – возразит Мууру Иртувель, – если это небольшая армия, то того отряда, что здесь погиб, явно недостаточно, чтоб защитить деревню. Да и как бы жители этой деревни узнали о готовившемся нападении? На хвосте сорока бы принесла, или одно из чудовищ проклятого леса выскочило бы с криком «Спасайтесь, идёт несметная армия!». Да это чудовище, и не только оно одно, этой армией с удовольствием полакомилось бы. Да и жители здешних деревень, хотя и не нищие, но не настолько богаты, чтоб нанять такой отряд.

– Да, неувязочка, – согласился рыцарь и спросил: – Но как же тогда объяснить появление здесь такого неслабого отряда? Шестьдесят воинов – это не шутка!

– Согласен, трудно объяснить, – кивнул эльф и спросил в свою очередь: – А как объяснить появление столь сильного некроманта? И его действия здесь?

– Может, проведение ритуала? – сделал предположение один эльфов, подчинённых Иртувеля, его поддержал Муур:

– Точно! Ритуал! А жители деревни наняли отряд, чтоб защититься!

– Я же говорил, – поморщился начальник особой группы, – здешние жители не настолько богаты, чтоб нанимать такие отряды. Да и против некроманта, скорее, наняли бы мага. И как они могли узнать, что на их деревню имеет какие-то виды некромант? Хотя... Тут есть достаточно сильные знахарки, почти ведьмы. Кто-то из них мог и предупредить, но тогда жители просто ушли бы, сбежали...

– Селянам трудно оставить свои пашни, скорее, понадеялись – авось пронесёт – высказал своё мнение о местных сэр Муур. Иртувель ему возразил:

– Здесь не центральные районы королевства. Здесь опушка проклятого леса и местные жители очень хорошо разбираются в подобных опасностях. Здесь готовы бросить всё, если жизни угрожает опасность. Но, похоже, некромант для жителей этой деревни стал неожиданностью. И, наверное, вы, сэр Муур, правы, некромант готовил какой-то ритуал, но что-то, а может, и кто-то ему помешал, но это были не воины погибшего отряда и не мы. У некроманта было достаточно времени, и, скорее всего, он где-то здесь спрятался, поэтому будем начеку!

Глава 1. Найдёныш

У хорошего хозяина воз не скрипит, слышно только шорох мелких камешков под колёсами да мерный топот тягловых быков. Звуки сами по себе нейтральные, но приятные для слуха возвращающихся домой с ярмарки. Зур и Сурина молчали, а о чём говорить прожившим вместе уже двадцать лет? Тем более что ярмарка была удачна: с выгодой продали всё, что привезли, и с не меньшей выгодой купили, что хотели. Хозяйство у Зура и Сурины было крепкое, только вот детей Ирха им не дал, а какая семья без детей? Такая семья вообще теряет смысл. Сурина тяжело вздохнула, Зур нахмурился – опять об этом думает! Последнее время баба совсем извелась – по два раза на день в храм Ирхи бегают, да вот только без толку. Дорога повернула к опушке проклятого леса, здесь было самое нехорошее место: с одной стороны подступал лес, а с другой лежало непроходимое болото. Зур непроизвольно сжал амулет, защищающий от нежити и нечисти. Амулет не только защищал, но и предупреждал – если нагреется, то жди нападения. На этот случай у возницы под сиденьем лежал арбалет с зачарованными болтами. Конечно, такое оружие не по чину иметь простому селянину, но кто сказал, что Зур простой? Дорога завернула, огибая подступающие к ней кусты.

– Стой! – закричала Сурина, Зур непроизвольно натянул поводья, хотя в таком месте останавливаться опасно! Сурина тронула мужа за рукав, показывая в сторону кустов, там, словно только вышла из чащобы, стояла девочка. Немного смуглая, лет пяти-шести с копной рыжих волос на голове и россыпью веснушек на носу и вокруг него. Стояла, совсем не смущаясь, что голая, и с интересом разглядывала большой воз с такими же большими быками, остановившимися прямо перед ней. Зур схватился за амулет – тот был холодным, но это еще ни о чём не говорило, возможно, это был морок, а хищная нежить или какой другой зверь подкрадывался с другой стороны! Зур зашарил рукой, нащупывая арбалет, а дура-баба спросила:

– Как тебя зовут, девочка?

Зур презрительно хмыкнул – зачем это говорить? И так видно, что это девочка, вот только девочка ли?

– Как твоё имя? – снова спросила Сурина, девочка пожала плечами. А Зур, уже вытащивший арбалет и чувствующий себя уверенно, прошептал, обращаясь к жене:

– Чего спрашиваешь? У нежити нет имён!

Девочка удивлённо посмотрела на мужчину, видно, услышала что он сказал, посмотрела на направленный на неё арбалет и улыбнулась. Словно солнышко выглянуло из-за тучи, такая была эта улыбка. Сурина отвела в сторону арбалет (вот же дура-баба – фыркнул Зур), сказав при этом:

– Ты что? Спятил старый? Разве нежить улыбается?

Несмотря на возможную опасность, Зур почесал в затылке – действительно, нежить не улыбается, скалится – это да, но не улыбается! А Сурина снова спросила:

– Как твоё имя?

Девочка не ответила, только пожала плечами. Женщина задала следующие вопросы:

– Как ты сюда попала? Ты чья?

Девочка снова пожала плечами, на это раз ответив:

– Не знаю.

Девочка снова улыбнулась, показав слегка заострённые зубки, а ветер, чуть сдвинув рыжую прядку, приоткрыл немного заострённое ушко.

– Эльфа, – предположил Зур и засомневался: – А может и не эльфа. Может из лесного народа – полукровка.

Такое часто бывало – задержится мужик в лесу, тут его русалки и обкрутят. Могут под воду утащить, а могут и по прямому мужскому предназначению использовать. Потом под порогом его избы обнаружится свёрточек с пищащим (или кричащим) остроухим младенцем, у которого могут быть острые зубки. Жена, конечно, пилит мужа за поход на сторону, но младенца не принять в семью не может – русалка обидится и может отомстить. Хоть ребёночек и не русалка (или дриада, лешая – с кем там муж погулял?) но всё же... Бывало и наоборот – леший или козлоногий на девку, отошедшую далеко в сторону от товарок, собирающих грибы или ягоды, позарится, тогда и приносить младенца не надо – сам появляется в нужный срок. Вот и воспитывается такой (или такая) полукровка в селянской семье. Надо сказать, полукровки, что парни, что девки, красивые. Быстро себе пару находят, да и помогают лесные жители своим или семье их приютившей. Может потому, и живут люди у проклятого леса, что не чужие, всё же родня его жителям.

– Может, и из лесного народа, – почёсывая в раздумье затылок, повторил Зур, – только не младенец почему-то, они-то обычно младенца подкидывают.

Сурима с надеждой посмотрела на мужа, она была совсем не против, чтоб её благоверный погулял с русалкой, дриадой или ещё с кем, да и сама женщине была не прочь, но почему-то лесные жители обходили стороной эту пару. А Зур продолжал рассуждать:

– Откуда взялась не знает, имени тоже не знает, точно не эльфа. Из лесных жителей? Думали – такая как они, а оказалась больше человеком. Но почему не помнит? Может, не хочет вспоминать? И говорить о своих лесных родственниках не хочет?

А Сурима достала крынку с молоком (вообще-то дома была корова и не одна, но вдруг в дороге перекусить захочется, а крынка-то не простая – молоко в ней не скисает), предложила девочке:

– Хочешь молочка?

– Хочу! – оживилась та и приняла крынку, не оторвалась, пока не осушила. Зур аж удивился – куда в неё столько лезет. А девочка, вернув пустую посудину, вежливо поблагодарила. Сурима многозначительно посмотрела на мужа – нечисть или нежить точно благодарить не станет!

– Так как тебя зовут? Откуда ты? – снова спросила женщина, а девочка, распахнув огромные ярко-зеленые глаза, снова пожала плечами. А Сурима с замиранием сердца спросила:

– А хочешь к нам, зелёные глазки?

Девочка украдкой глянула на пустую крынку и согласно кивнула. А задохнувшаяся от счастья женщина предложила:

– А давай, зелёные глазки, как листочки, я тебя так и буду называть – Листвяна, Листвяночка. Нравится тебе такое имя?

– Да, – кивнула девочка и потянулась к Суриме, та подхватила девочку и, закутав в тёплую шаль, усадила к себе на колени. Зур, скосив глаза, усмехнулся в усы и, щёлкнув кнутом, дал команду тягловым быкам продолжать движение.

Хозяйство Зура и Суримы, по меркам деревни Большие Травы, было не то что богатым, зажиточным. Тут были даже наёмные работники: пожилая семейная пара – Тул и Фирта, тоже бездетные (дальние родственники хозяев) и старый дед, тоже родня, хоть и очень дальняя. Работникам у Зура и Суримы жилось неплохо, хоть работы было много, но хозяева её не перекладывали на Тула и Фирту, а работали наравне с ними. Дед Рав (действительно дед хозяев, хоть и троюродный) занимался пасекой. Дом с хозяйством образовывал большое подворье, стоящее почти у черты охранного круга. Но в этом была и выгода – небольшая речка Быстрица, действительно очень быстрая, протекавшая у самой границы охран-

ного круга и частично им накрывавшаяся, вращала колесо. Это колесо служило приводом не только для мельницы, но и для мехов кузницы, где иногда работали Зур и Тул.

Увидев подъезжающих хозяев, Тул открыл ворота. Большой воз заехал во двор, и к нему с лаем бросился огромный лохматый пёс, но увидев рыжую девочку, сидящую на коленях у Суримы, остановился, словно наткнулся на невидимую стену и, поджав хвост, взвизгнув, спрятался в будке. Вышедшие встречать хозяев, Фирта и Рав замерли, а потом сделали знак, отгоняющий демонов, Тул к ним присоединился. Зур повернулся к рыжей девочке. Собираясь что-то спросить, при этом снова схватившись за свой амулет – сторожевой пёс Лохматый был не только лохматым и больших размеров, он, как многие местные собаки, чувствовал нежить и предупреждал о ней своих хозяев. Мало того, он её не боялся и мог со многими видами нежити, опасной для человека, вступить в схватку с большими шансами на победу. Напугать Лохматого мог только очень опасный зверь или нежить. Девочка соскочила с колен Суримы, выскользнув из шали, и нырнула в будку к Лохматому.

– Листвяна! Куда! Он же может тебя покусать!

– Кого вы привезли? – спросил Тул. – Лохматый испугался! А он...

– Да вот, подобрали на дороге, – ответил Зур, неодобрительно покосившись на Суриму – похоже, её желание иметь ребёнка, накликало беду! Они сами неизвестно кого привезли к себе на подворье, но если эта девочка столь опасна, что ей испугался Лохматый, почему её пропустил охранный круг! А ещё Зур вспомнил, как всхрапнули быки, когда он их остановил, увидев девочку, но тогда решил, что эти могучие животные так выразили недовольство резкой остановкой, потом они беспокойства не проявляли!

В собачьей будке довольно долго было тихо, и мужчины, на всякий случай вооружившись вилами, осторожно к ней стали подходить.

– Точно нежить привезли, – сказала Фирта, – сейчас она там Лохматого доедает, когда доест, за нас примется!

Мужчины с удвоенной осторожностью приблизились к будке, и Зур, держа вилы перед собой, туда заглянул. Подняв вилы вертикально, он поманил женщин к себе, сделав знак, чтоб они не шумели. Толкаясь перед будкой, заглянуть хотели все, люди увидели следующую картину: девочка сидела, обнимая Лохматого за шею, а он пытался повернуть голову и лизнуть её в щёку, но сделать псу это было неудобно, всё-таки его голова была близко от лица Листвяны. Ошейник с цепью лежал рядом, девочка его сняла.

– Листвяночка! Он же может тебя укусить! Лохматый очень злой пёс! – не выдержала и закричала Сурима.

– Не-а, – покачала головой девочка, теснее прижимаясь к лохматому боку, – не-а, не укусит, мы с ним друзья!

– Ошейник-то заклёпанный был, как она его сняла? Ладно бы цепь отцепила, но ошейник... – тихо пробормотал Тул, ни к кому не обращаясь. Но девочка услышала и пояснила то, что сделала:

– Ошейник очень тугой был, вы же его ему надели, когда Лохматый меньше был, теперь он вырос и ему было неудобно: натирало и жало. Вот он меня и попросил снять. Лохматый обещал, что не будет со двора убегать и живность гонять.

– Откуда она знает, что пса зовут Лохматый? – спросила Фирта, ни к кому не обращаясь, ответил Рав:

– Как она сказала – пёс сам ей своё имя назвал, а потом попросил ошейник снять. Так ведь?

Последние слова дед Рав произнёс громко, явно обращаясь к девочке, та кивнула:

– Ага!

– Листвяночка, тебе помыться надо, а потом что-нибудь из одежды подберём, пока подходящую не пошлём, надо было на ярмарке новую купить, но кто ж знал? – засуетилась Сурима, Зур хмыкнул:

– Кто ж знал, что у нас девочка появится, да ещё такая!

– Хвала Ирхе! Он вам послал ребёнка, будет вам помощница и отрада! – торжественно произнёс Рав, осеняя себя знаком Ирхи, вслед за ним это сделали остальные. Девочка вылезла из собачьей будки и пошла за Суримой к большому корыту, около него стоял не менее большой чан с водой. Шедшая за хозяйкой и девочкой Фирта виновато сказала:

– Вот, воду приготовили, но не подогрели. Не знали когда вы приедете, но баньку с утра протопили. А подогреть... Я мигом!

Женщина лихорадочно защёлкала кресалом, пытаясь высечь искру, но у неё это не получалось. Листвяна подошла и поднесла руку к щепкам, сложенным у дров (Фирта пыталась поджечь сухой мох, лежащий рядом со щепками), на ладошке у девочки появился огонёк. Девочка счастливо засмеялась, словно увидела что-то очень хорошее, а огонёк, будто живое существо, перебежал с ладошки на щепочки и радостно там заплясал, разрастаясь в большой огонь.

– Кто она? Оборотень? Но собаки оборотней не очень любят, – говорил дед Рав, наблюдая как Сурима и Фирта ведут рыжую малышку к бане.

– Может, оборотень собаки, щенки, потому-то Лохматый её и признал, – сделал предположение Тул, Рав ему возразил:

– Где ты видел оборотней собак? Да и не бросают оборотни своих, а Зур говорит, что она одна там стояла. Да если бы она была заблудившимся оборотнем, то стая её бы отбила, не дала довести до деревни.

– А может, она оборотень, не умеющая оборачиваться, вот стая от неё и отказалась, – продолжал отстаивать свою версию Тул. Дед хмыкнул:

– А то, что Лохматый её сразу испугался? Как ты это объяснишь? Большой пёс задрожал перед щенком, да так, что в будке спрятался? Да и вот, посмотри! – Рав показал ошейник, что вертел в руках. Цельный круг, сделанный из грубой кожи с металлическими вставками и железным кольцом для цепи, был целым! Продемонстрировав ошейник, Рав указал на цепь: – Вон, её она тоже как-то от ошейника отцепила, но как? Все звенья целые! То, что она необычная девочка, сомнений нет, а вот из лесного народа ли она? Железа-то не боится и, что интересно, оно её слушается!

– Вон, глядите! – Зур обратил внимание мужчин на то, как девочка зажгла огонь, дед Рав хмыкнул:

– Похоже, Зур, вы с Суримой подобрали огневушку, теперь жди пожара!

– Ну почему сразу огневушку, с чего ты решил?

– Ты сам, Зур, поразмысли – с железом умеет обращаться, огонь на руке появляется... Да и сама как огонёк – рыжая!

– Огневушка воды боится, – возразил Тул Раву и тут же поправился: – Не любит. Может руку в воду опустить, ручей вброд перейти, а тут, ты сам посмотри!

Девочка заинтересовалась большой бочкой, откуда в чан набирали воду и, поставив вертикально полено, заглянула туда, а потом с видимым удовольствием поплескала там рукой. Полено выскользнуло из-под ног девочки, а она, пытаясь сохранить равновесие, наклонилась над бочкой – и только её ноги мелькнули над водой. Девочка полностью ушла под воду, бочка была такого размера, что, даже встав на её дно, малышка не доставала до поверхности воды. Упавшая в бочку девочка и не пыталась из этой большой и глубокой ёмкости выбраться, было похоже, что малышка от неожиданности захлебнулась. Обе женщины громко закричали и бросились к бочке, наклонившись, не переставая кричать, зашарили там, но, видно, не доставали до дна и лежащей там девочки. То, что девочка лежит на дне, уви-

дели и подбежавшие мужчины. Малышка лежала неподвижно, закрыв глаза, лежала так, что мужчины тоже не могли до неё достать. Все суетились, пытаясь что-то сделать, но ничего, чтоб достать лежащую на дне бочки девочку, придумать не могли. Первым опомнился Рав:

– Неси доску! Перевернём бочку! – скомандовал он Тулу, подкатывая к бочке полено, так чтоб получился упор для рычага, которым он и намеревался перевернуть бочку. Тул побежал за толстой доской, хотя и он, и все остальные понимали, что уже поздно – девочку не спасти.

– Утонула моя девочка, – заламывая руки, зарыдала над бочкой Сурима. Выметнувшаяся из бочки Листвяна обняла рыдающую Суриму:

– Не плачь, чего ты плачешь?

Люди так и застыли (Тул с доской на плече), глядя на мнимую утопленницу, а Сурима обняла девочку и прижала к себе. Фирта украдкой потрогала Листвяну и сообщила:

– Тёплая! – после чего ущипнула, услышав возмущённое «ай!», добавила: – Ещё и живая!

– Похоже, русалка, – задумчиво произнёс Рав и тут же поправился: – Нет, не русалка. Русалки огня не переносят, а она его запросто зажгла. Да и где вы видели смуглую и рыжую русалку? Кто же ты, Листвяна?

– Неужели непонятно? Я Листвяна! – гордо ответила девочка, теснее прижимаясь к Суриме.

Листвяна уже неделю жила в доме Зура и Суримы, не переставая удивлять окружающих своими способностями. Девочка подружилась со всеми животными, что были в хозяйстве, у людей складывалось такое впечатление, что она их понимает. Даже с пчёлами на пасеке Листвяна нашла общий язык, когда она туда направилась, Сурима забеспокоилась:

– Они же её покусают!

– Пчёлы не собаки. Они не кусают, а жалят, – усмехнулся в бороду дед Рав, но за Листвяной пошёл – мало ли что. Выйдя к ульям, он похолодел – девочка стояла на пути лёта пчёл! Если хотя бы одна пчела ужалит, остальные, почуяв запах яда, набросятся на Листвяну, как на источник вероятной опасности. А такое множество укусов может быть и смертельным! Рав лихорадочно соображал – как же убрать девочку с опасного места, а она спокойно стояла, к чему-то прислушиваясь, потом сама шагнула в сторону и застыла у улья, из которого, как знал Рав, должен выйти рой. И он вышел! Пасечник приготовил для него пустой улей (не совсем пустой, там были рамки с мёдом, а самое главное, с пчелиным расплодом – личинками пчёл). Но рой надо ещё поймать и посадить в приготовленный улей, пчёлы там и останутся, они никогда не бросят своё потомство (не важно, что личинки чужие). Рав помянул Тофоса и всех его демонов, рой был, считай, упущен, и требовалось много усилий, чтоб его поймать! Произошедшее дальше изумило старого пасечника, Листвяна показала на приготовленный улей и сказала:

– Вам туда, там всё для вас готово и детки голодные ждут, летите быстрее!

Рой, сделав круг над головой девочки, устремился к приготовленному улью.

– Как ты узнала, что этот улей приготовлен для роя? – позже спросил Рав у Листвяны, то, что может выйти рой, опытный пасечник определяет по известным ему признакам, возможно, девочка уже имела такой опыт, но узнать, какой улей приготовлен? Листвяна ответила, снова удивив Рава:

– Это просто – в этот улей не летали пчёлы, а там детки плакали. Их никто не кормил, и они думали, что их бросили!

Рав только покачал головой, понимать зверей это одно, но понимать пчёл? Хотя... Опытный пасечник это умеет, но откуда такие знания у маленькой девочки? Пока старик размышлял над этими вопросами, рыжая непоседа уже куда-то убежала. Рав снова покачал

головой – всё-таки ребёнок, может, это не знания, а врождённые способности? Всё же – кто такая Листвяна?

Тул виновато смотрел на Зура, из-за него срывался срочный заказ, но он не мог сегодня работать в кузне – спину так прихватило, что было больно не то что стоять, сидеть! Зур тяжело вздохнул, заказов в работе по железу не так уж и много, а тут появился – и на тебе! Но ничего не скажешь, хворь не спрашивает, подбирается внезапно – и ты уже не работник!

– Тул, ложись вот сюда, на лавку, – раздался звонкий, но в то же время чуть хрипловатый голос. Зура постоянно удивлял голос Листвяны, словно девочка была слегка простужена и не может во всю использовать свой звонкий голосок, говорит с чуть заметной хрипотцой.

– Это зачем ещё? – подозрительно спросил Тул, девочка с неожиданной силой подтолкнула мужчину, и тот растянулся на лавке, а Листвяна провела руками по спине, остановив их на больном месте, сказав при этом:

– Я же вижу – тебе больно! Вот я и помогу!

Мужчина охнул – больное место словно обожгло огнём, но затем боль сразу пропала. Тул немного полежал, ожидая – а вдруг боль вернётся? Затем сел, встал, согнулся и удивлённо сказал:

– Не болит! Совсем не болит! Будто к знахарке ходил! Нет, после того как баба Магда поколдует, всё равно болит, а тут... Всё прошло! Листвяночка, спасибо тебе!

Но девочка уже убежала, Зур произнёс, задумчиво глядя ей вслед:

– Кто же она такая? Лечить умеет. Точно не из лесного народа.

А Листвяна побежала в хлев, пришло время дойки, и её всегда угощали свеженадоеным молоком, большой кружкой! Молоко ей дали, но Сурима и Фирта были какие-то грустные, кроме них была ещё одна женщина, ещё не старуха, но очень пожилая в чёрном платье и платке, чем-то напоминавшая ворону. Листвяна выпила молоко и спросила:

– Что-то случилось, да? С Бурёной?

– Заболела наша коровушка, не доится и ничего не ест, вот даже Магда не может определить, что с ней! – произнесла Фирта, словно причитая, кивнув в сторону женщины в чёрном.

– Ага, – ответила Листвяна и пошла в дальний конец большого сарая к отдельной выгородке. Там стояла бурая корова и дрожала мелкой дрожью. Девочка пока шла, сняла со стены серп и, подойдя к корове, приставила его к её горлу, при этом громко заявив:

– Её надо срочно убить, это я сейчас и сделаю!

– Бурёну?! – всплеснула руками Сурима и заголосила почти так же, как Фирта: – Она же тебе нравилась! Ты же говорила, что у неё молоко самое вкусное! Зачем же её убивать? Её лечить надо!

– Её надо обязательно убить! Чтоб с другими коровами такого не случилось! – уверенно произнесла Листвяна и замахнулась серпом, намереваясь полоснуть корову по горлу. Но удар не достиг цели, серп упал на землю, а этой рукой, что его держала, девочка схватила какой-то туман, который отделился от коровы. Второй рукой Листвяна ударила этот туман, ударила даже не рукой, а огнём, появившимся на ладони. Раздался многоголосый визг, будто визжали от сильной боли несколько зверей. Девочка обеими руками, с которых стекал огонь, держала странный серый туман, который теперь стал бледно-зелёным и сгорал в жарком пламени. Так продолжалась с минуту, туман, перестав визжать, исчез. Корова перестала дрожать и потянулась к лежащему перед ней сену, а девочка обессиленно опустилась на землю и жалобно попросила:

– Мне бы молочка.

– Сейчас, Листвяночка, сейчас, доченька, – засуетилась Сурима, наливая в кружку молоко. А Фирта спросила у Магды:

– Кто это был? Коровий туманник?

– Да, вашей Бурёне повезло, что он не начал её поедать, а только старался поглубже забраться. Признаков туманника я не видела, были все признаки отравления. Но как она определила, что это туманник? Да так сразу, даже не глянув на корову? Но не это важно – как ей удалось его убить? Туманника можно сжечь только с коровой, да и то, он успевает перед этим выесть ещё нескольких, а тут... Ваша Листвяна сумела выманить эту тварь и сжечь! Такое может сделать только очень опытная ведьма, да и то не всякая. Сжечь может только огненная ведьма, но она не сможет вот так сразу туманника обнаружить, только тогда когда он... Я уже это говорила, – Магда говорила, словно размышляя, не обращая внимания, слушают её или нет. И если Сурима хлопотала около Листвяны, пьющей третью кружку, то Фирта внимательно слушала Магду, сельскую травницу, о которой говорили, что она очень ещё и ведьма. А Магда продолжала размышлять вслух: – Учужала-таки туманника, а я вот не смогла. Старая, видно, стала. Но кто же такая ваша Листвяна? Обнаружить туманника может зелёная ведьма, лесная или полей. Чёрная ведьма, та, что имеет дело с людьми, такого не умеет. Огненная ведьма тем более такую нежить не увидит. Ведьма, у которой способности смешаны, тоже эту нежить не распознает. Увидеть и сжечь может опытный маг, очень опытный маг, но такой разве забредёт в наше захолустье?

Магда замолчала и посмотрела в сторону сидящей на ворохе сена рыжей малышки, на её бледном лице особенно ярко проступили веснушки. Глядя на Листвяну, ну никак нельзя было не то что сказать, даже подумать, что она опытный маг. Девочка-то и на мага была не похожа!

– Пятая кружка! Куда в неё столько влазит? – произнесла Фирта, она тоже смотрела в ту сторону, а Сурима ещё одну наливала. Девочка немного склонила голову, и стало видно чуть заостренное ушко, до этого скрытое под рыжими волосами.

– Полукровка, только вот чья? – продолжала размышлять сельская знахарка. – Эльф? Вряд ли, те своих держат под присмотром и потеряться не дадут. То, что не гном – точно, не похожа она на гнома, да и нет среди гномов обладающих сильными магическими способностями, а тут такие способности на лицо!

Девочка, видно, напилась и, чуть пошатываясь то ли от количества выпитого молока, то ли от слабости, после ею сделанного, направилась к выходу. На вопрос Суримы – куда она идёт. Листвяна ответила:

– В кузню, там ковать будут, хочу посмотреть.

Девочка убежала, женщины продолжили заниматься хозяйством, а сельская знахарка (или ведьма – это с какой стороны посмотреть) села в сторонке со словами:

– Подожду, хочу с вашей Листвяной поговорить. В кузню сейчас лучше не соваться, как только её туда пускают?

Листвяна прибежала в кузню, когда Зур и Тул пытались разжечь огонь в горне. В углу сидел кряжистый, можно сказать – могучий, человек, он не торопил кузнецов, так как был в курсе того, что хворь одолела Тула и пришёл, не столько для того, чтоб забрать свой заказ, сколько для того, чтоб выразить свои соболезнования. Теперь же староста деревни, а именно им был этот могучий мужчина, был приятно удивлён: было похоже, что его заказ будет выполнен в срок. Вот только горн (о том чтоб просушить уголь не позаботились, так как Тул был не в состоянии работать) никак не разжигался.

– Давайте я разожгу! – предложила Листвяна и протянула руку, на ладонке которой запылал огонёк. Зур и Тул уже такое видели, а Дрим (староста деревни) с удивлением смотрел, как маленькое пламя, словно ручной зверёк, перебралось с ладонки девочки на сырой уголь и, нисколько этим не смущаясь, весело там запылало, разрастаясь в большой огонь. Зур вынул стопорный клин и привод от водяного колеса, стал раздувать меха, подавая воздух в горн. Когда заготовка разогрелась до нужной температуры, тот же привод стал опускать

тяжёлый молот на наковальню, обрабатывая заготовку. Тул клещами поворачивал изделие так, чтоб оно приобрело нужную форму, в итоге должна была получиться режущая кромка большого плуга.

– Не так надо! – не выдержала, внимательно наблюдавшая за действиями мужчины, Листвяна. Девочка выхватила клещи из рук Тула так быстро, что тот не успел возразить или воспротивиться, и стала вертеть заготовку сама. Металл смялся словно тесто, но это только вначале, по мере остывания он становился менее податливым, его требовалось снова поместить в горн. Но Листвяна этого не сделала, с её рук потёк огонь, разогревая поковку. Девочка без особого напряжения ворочала тяжёлый кусок железа, всем своим видом показывая, чтоб ей не мешали. Ворочала без усталости несколько часов, мужчина, даже сильный, уже бы утомился, да и нужное изделие за это время было бы уже изготовлено. Первоначальную заготовку, Листвяна превратила в тонкую полоску, потом сложила её несколько раз и повторила всё снова. Зур и Тул были в недоумении – зачем она это делает, а вот Дрим подался вперёд и внимательно следил за действиями девочки. Наконец, Листвяна закончила и сунула готовое лезвие в большой горшок с перетопленным салом. Мужчины рассматривали то, что отковала Листвяна, и цокали языками – чуть синеватое лезвие к плугу было сделано идеально (из-за дороговизны железа весь плуг был деревянным и только эта его деталь была из металла).

– Замечательно! – оценил работу Листвяны Дрим и тут же спросил: – А откуда ты знаешь, что мне надо?

– Я видела, как ковали такие детали Зур и Тул (девочка всех называла просто по имени), и когда они начали делать, увидела, что должно получиться, но ковали они неправильно... Форму они делали такую как надо, а вот ковали...

– Я понял, – усмехнулся староста деревни и провёл ногтем по кромке лезвия, оно зазвенело, мужчина усмехнулся: – Чуть подправить и можно рубить врагов.

Словно решив что-то проверить, мужчина выдернул из бороды волосок и отпустил его, при этом взмахнул выкованным лезвием – волосок распался на две части. Дрим усмехнулся:

– И подправлять не надо, да и точить не скоро надо будет.

– Дрим, ты доволен? – недоверчиво спросил Зур, староста деревни ответил:

– Более чем! Ваша приёмная дочь, уж не знаю как, но выковала оружейную сталь высшего качества. Так могут только гномы! Кстати, Листвяна, тебя ведь так зовут? Ты случайно не из гномов? Твоя сила и умение явно указывают на этих бородатых коротышек. Хотя у тебя от них только рост, а сама ты худенькая, тростинкой перешибить можно, а гляди ж! Как ты ловко это отковала! Да и силы у тебя, как у здорового мужика!

– Ага! Я такая! – гордо ответила девочка.

– Листвяна, кто же ты на самом деле? Откуда ты пришла? – спросила Магда, она, как и Сурима с Фиртой, которые закончили свои дела, наблюдала окончание работы девочки.

– Я – Листвяна! – гордо ответила девочка, а Сурима, видно, что-то заподозрившая, бросилась к девочке и обняла, выдохнув при этом:

– Она не нежить! Не отдам!

– Никто и не говорит, что она нежить, нежить не будет лечить корову, а просто её съест, – улыбнулась Магда и спросила у девочки: – Листвяна, вот ты сможешь съесть Бурёну?

– Не-а, Бурёна хорошая, она вкусное молоко даёт.

– А другую корову? – хитро спросила сельская знахарка, девочка задумалась.

– Ну, это ещё ничего не доказывает, – усмехнулся Тул, – корову и я съесть смогу, если, конечно, будет что выпить!

– Тьфу! Ты и двух коров сожрёшь, если что выпить будет! Старый пьяница! – напустилась на мужа Фирта. Дрим подмигнул Листвяне и, улыбнувшись, сказал:

– Вот, Тул двух коров съесть может, но никто его нежитью не считает!

– Нежить старой не бывает, как Тул, – тоже улыбнулась Магда, – к тому же нежить не пьёт хмельных напитков, а ведёт трезвый образ жизни!

– А почему нежить не пьёт хмельных напитков? – громким шёпотом поинтересовалась Листвяна у Суримы, продолжавшей её к себе прижимать и сделала неожиданный вывод: – Значит, тот кто ведёт трезвый образ жизни – нежить?

Мужчины захохотали, а Дрим сквозь слёзы, выступившие у него от смеха, проговорил:

– Интересный и оригинальный способ выявления нежити!

– Да, если налить, а он или она не пьёт, то точно нежить! – поддержал старосту Тул.

– Ага! Если сидит и ест корову – то это нежить. А если при этом пьёт хмельной напиток – то не нежить, – задумчиво стала рассуждать Листвяна и растерянно добавила: – Но я же не пью хмельно! Я только молоко пью. Значит, я нежить?

Мужчины снова захохотали. А Сурима теснее прижала девочку к себе и сказала:

– Нет, доченька, ты не нежить!

– Нежить рыжей и с веснушками не бывает! – вытирая слёзы и продолжая смеяться, сказал Дрим, а Магда очень серьёзно добавила, сказав то, что говорила раньше:

– Нежить скотину не лечит, не умеет. Вот коровий туманник – это нежить! Очень опасная нежить!

– Ага, – кивнула Листвяна и, вызвав очередной приступ смеха, заявила: – Он противный и липкий! Его нельзя есть!

– Если хорошую выпивку поставить, то ты и туманника съешь! – пробурчала Фирта, уводя мужа, а Сурима увела Листвяну. Магда и Дрим переглянулись и посмотрели на Зура, при этом травница у него спросила:

– Кто же такая Листвяна? Говоришь, по дороге с ярмарки встретили?

– Да, совсем голая стояла на опушке проклятого леса, там, где он к дороге подходит. Я ещё подумал – уж не нежить ли или нечисть какая, раз не съели или как-то по-другому не обидели, – начал рассказывать Зур. Дрим, посмотрев на потухший горн и очередной раз, словно любуясь, проведя ногтем по лезвию, хмыкнул:

– Такую обидишь!

– Туманника она сразу распознала, а я не углядела. Потом его выманила и сожгла, – задумчиво произнесла Магда и кивнула Зуру: – Рассказывай дальше.

Зур подробно рассказал о том, как встретили рыжую девочку на дороге и о первых днях её жизни у него в семье, закончил свой рассказ так:

– Ласковая, послушная, но словно чего-то боится. Бывает, за Суримой хвостиком ходит, та её доченькой кличет. Но Листвяна её мамой не называет.

– Может, твою жену и боится потерять? Ты говоришь – ничего не помнит, однако же знает и умеет много! – сказав, Магда посмотрела на лезвие в руках Дрима и добавила: – Да и сила у неё... Не всякий мужик справится!

Сельский староста, старый солдат Дрим, очередной раз повертев изделие Листвяны и уже в который раз одобрительно хмыкнув, стал прилаживать лезвие к деревянной основе. Всё-таки неплохо было бы прикупить настоящий плуг, но где ж взять денег? Хотя... Это лезвие, в отличие от тех что ковали Зур и Тул, прослужит долго. Они, конечно, стараются и получается у них неплохо, но до настоящего кузнеца из центральных районов королевства, да и из приграничных гарнизонов, им далеко. Закрепив лезвие, Дрим посмотрел на плуг – надо было это раньше сделать, но всё недосуг – обязанности старосты, своё поле и вспахать некогда. Почувствовав на себе чей-то внимательный взгляд (всё-таки армейские навыки остались), Дрим скосил глаза и увидел рыжую девочку, сидящую на заборе. Обычная, таких по деревне много бегает, всех и не упомнишь. Но эта сразу запоминалась, хоть и не было в ней ничего особенного – чуть курносый с веснушками нос, веснушки и на щеках, рыжая, что

в здешних местах не такая уж и большая редкость. Широкая детская улыбка, распахнутые большие глаза (у детей всегда большие, но у Листвяны они были больше обычных), но вот у детей её возраста они были наивные, что ли, а у этой... Что-то в этом взгляде было такое... Дрим даже подобрать сравнение этому взгляду не смог. А девочка сидела на заборе и совсем по-детски болтала ногами.

– Мать волноваться не будет? – спросил Дрим, хотя девочка уже неделю бегала по деревне и один раз с ребяtnей выбиралась в лес за ягодами (дети дальше опушки не уходил, а там проклятый лес был совсем обычным, к тому же у каждого ребёнка был защитный амулет). Дрим посмотрел, но на шее у Листвяны ремешка, уходящего под рубаху, не было, значит, и амулета тоже нет.

– Не-а, Сурима знает, куда я пошла, – ответила девочка. Она всех взрослых, не прибавляя, как другие дети – дядя или тётя, называла по имени, в том числе и приёмных родителей. Девочка ещё поболтала босыми ногами и спросила:

– Дрим, а ты пахать? А можно я с тобой?

– У тебя же защитного амулета сейчас нет, а я иду за охранный круг, – ответил мужчина.

– А зачем мне амулет? – пожала плечами Листвяна, и в её глазах появилось то самое, так смущавшее Дрима недетское выражение. Он на мгновение задумался, брать ли девочку с собой? Вроде как нехорошо это делать, не поставив в известность её родителей, но с другой стороны – все дети бегали на опушку леса, очень часто не спрашивая ни у кого разрешения. Ведь она могла и без спроса последовать за старостой, да так, что он об этом и не узнал бы, а тут, гляди ж, спросила – можно ли? Да и под защитой амулета Дрима (а у него хороший амулет, один из лучших в деревне, не Магдой сделанный, а из города привезенный) безопаснее будет. Мужчина кивнул и пошёл выводить тягловых быков, пока он это делал, пока их в плуг запрягал, Листвяна, болтая ногами, продолжала сидеть на заборе. Когда же он со двора вывел быков на улицу, предварительно подняв плуг – не пахать же борозду от своего подворья до поля, девочка не пошла рядом, а одним движением перемахнула с забора на шею одному из быков. Тот не возмутился таким самоуправством, а продолжил мерно шагать.

Глава 2. Сельские будни

Староста деревни Большие Травы, старый солдат Дрим, направлялся распахать новое поле, даже не поле, а лесную гарь. Вообще-то с проклятым лесом шутки плохи, и люди, живущие у его кромки, это прекрасно знали. Из его чащи время от времени появлялись чудовища (невиданные звери или хищная нежить), но такое соседство имело и свои выгоды, поля у самого леса давали по три урожая в год, а грибы и ягоды были необычайно большими. И хоть проклятый лес был опасным не только своими обитателями, но и сам по себе, люди отвоёвывали у него землю под свои пашни. Лес никто не выжигал, как это было в других местах, жители деревень у леса терпеливо ждали удобного случая и вот тогда заставляли лес подвинуться. Вот и сейчас – лесной пожар случился от удара молнии и выгоревший участок, как бы стал ничьим. Пока он снова не зарос деревьями и кустарниками, его можно было распахать, превратив в поле, что Дрим и намеревался сделать. Дорогу к новому полю надо было проложить через небольшой, невыгоревший участок леса, который становился как бы рощей между вспаханymi участками – новым и старым.

Тягловые быки мерно шагали, точно так же за ними шагал Дрим. Листвяна продолжала сидеть на шее быка и насвистывала что-то весёлое, к ней присоединилась небольшая птичка, севшая девочке на плечо. Потом прилетела ещё одна. Дрим даже перестал дышать, боясь вспугнуть лесных птах, только смотрел во все глаза – птицы тоже свистели, выводя ту же мелодию, что и Листвяна! А девочка продолжала насвистывать, словно так было и надо. Неожиданно птицы взлетели, словно чего-то испугавшись, на плечо девочке упал рыжий комочек. Дрим ещё больше удивился – белки очень осторожные зверьки, их увидеть можно только издали, близко к себе они никого не подпускают! Белка, почти сливаясь с рыжими волосами девочки, словно что-то рассказывала ей на ухо, Листвяна даже свистеть перестала, только чуть заметно кивала, словно благодарила белку. А потом маленький рыжий зверёк убежал – быки вышли к будущему полю.

Дрим пахал так, чтоб борозды шли от рощи между полями к нетронутому лесу. Каждый раз, делая разворот, мужчина напрягался, ощупывая свой амулет: близость к чащобе таила опасность – мог появиться зверь или нежить. Такое могло запросто случиться, хоть был почти полдень, но это же проклятый лес! А Листвяна продолжала сидеть на шее у быка, даже за рога ухватилась. Во время одного такого разворота, вернее, перед ним и случилось то, чего боялся Дрим: из леса выпрыгнула большая пиявка! Этот обитатель проклятого леса был очень похож на своих собратьев, живущих в воде (те тоже были немаленьких размеров), но длина лесной пиявки превышала вдвое рост взрослого человека. Обитал этот хищник в кронах деревьев, оттуда и нападал на свою жертву. Амулет мужчины моментально стал горячим, Дрим застыл, понимая, что ничего сделать не успевает, арбалет с зачарованными болтами был за спиной, а пиявка летела, нацелившись в рыжую девочку. Листвяна сделала движение рукой, будто перебрасывает что-то через себя и закончила его, резко опустив руку. Траектория полёта пиявки изменилась, словно какая-то сила её подбросила, заставив пролететь над головой девочки, а потом с размаху приложила о землю. Всё произошло настолько быстро, что Дрим даже остановиться не успел, и лезвие плуга разрезало напополам дергающееся в конвульсиях длинное чёрное тело. А девочка как ни в чём не бывало снова стала насвистывать что-то весёлое.

Дрим пахал до вечера, но успел распахать всю гарь, превратив её в новое поле. Листвяна покинула своё насиженное место уже в деревне, когда проезжали мимо двора её родителей, одним движением перемахнув высокий забор. А староста деревни, загнав тягловых быков во двор, отправился к Магде. Там он рассказал о событиях дня сельской знахарке. Закончил он свой рассказ так:

– Дети бегают в лес, собирать грибы, ягоды, но это ближний лес, роща – отделённая от основного массива таким же полем, как я сегодня распахал, там пиявок нет. У нового поля ещё чащоба, скорее всего, она там жила, пожар её не потревожил. Когда увидела добычу – напала. Напала, как ей казалось, на самого беззащитного. Быки ей не по зубам, ведь она не ядовитая, а у быков шкура толстая, пока прогрызёт – затопчут! Пиявка прыгнула, а Листвяна вот так рукой сделала – и всё!

– Что всё? Пиявка умерла? Листвяна её убила взмахом руки? – задала Магда наводящий вопрос, уж очень путано Дрим рассказывал, тот покачал головой:

– Нет, её словно что-то подбросило!

– Кого? Листвяну? Что-то я тебя не пойму, кого подбросило?

– Да пиявку же! – с досадой проговорил Дрим, словно сетуя на непонятливость собеседницы. – Пиявку! Подбросило, как такое может быть? Не вниз толкнуло, как бывает, когда пиявка попадает в зону действия защитного амулета, а вверх! А потом точно под плуг бросило, да ещё об землю так ударило, что зверюга только дёргалась, даже ползти не могла, а не то что взлететь! Амулет такого воздействия на пиявку не оказывает, она если отбита его защитой, то сразу взлетает и убегает или атакует снова!

– Пиявка не может убежать, она летает, – усмехнулась Магда и с укором добавила: – Напрасно ты один пошёл поле пахать. У его кромки не опушка, а ещё чащоба со всеми её жителями, а то, что рядом гарь или уже вспаханное поле, их не смущает.

– Но у меня же амулет! – показал свой оберег Дрим, Магда чуть усмехнулась:

– То, что он из города, не означает, что от всего защитит. Когда пиявка атаковала...

– Он нагрелся! – с некоторой обидой сказал мужчина, знахарка строго сказала:

– Не перебивай! Он только предупредил, а защитить не смог! Пиявка, говоришь, прямо под плуг упала? Не упала, её туда бросило! Ведь сам же говорил – у Листвяны был такой жест, будто она что-то подхватила, а потом бросила. Думаю, там не только пиявка была, а ещё какая-нибудь хищная живность.

– Так амулет же больше не нагревался, – растерянно произнёс Дрим. Магда улыбнулась:

– Ты же сам говорил, что Листвяна насвистывала и даже пела, вот она всех зверей и распугала.

– Песенка же весёлая была!

– И весёлой песенкой можно до судорог напугать, только спеть её надо правильно! – снова улыбнулась Магда и добавила: – Тебе надо Листвяну благодарить, что жив вернулся!

– Ты говоришь так, будто эта рыжая девчушка... – начал Дрим, на этот раз Магда его перебила:

– Чувствую, что эта рыжая девчушка совсем не такая безобидная, как выглядит.

– Но кто же она?

– Знаешь, Дрим, очень я бы хотела знать – кто она!

– Листвяна! Айда с нами! – ватага детворы звала дочь Зура и Суримы собирать ягоды. Девочка посмотрела на свою приёмную мать и спросила:

– Сурима, можно мне с ними?

– Конечно, доченька, только будь осторожна! – ответила женщина, она называла Листвяну дочкой, но та не называла ни Суриму мамой, ни Зура отцом. Если мужчина на это не обращал внимания, то его жену это очень расстраивало. К тому же Листвяна упрямо не хотела надевать амулет-оберег. Рассказ старосты селения о произошедшем на новом поле успокоил только Зура (всё указывало на то, что девочка имеет магические способности и может за себя постоять), но Сурима очень беспокоилась. Девочка убежала на улицу, а Зур, глядя ей вслед, задумчиво произнёс:

– Как поедem в город, надо будет её магу показать, возможно, у неё есть способности и её надо отдать в обучение...

– Как отдать?! Листвяну отдать чужим людям?! – не дала высказаться мужу Сурима и тоном, нетерпящим возражений, добавила: – Не бывать этому!

А сама Листвяна, даже не догадываясь, какие планы относительно её возникли у её приёмного отца, шла с ватагой ребятни вдоль речки Быстрицы. Шли вниз по течению, так как, протекая через деревню, речка проходила сквозь охранный круг, отсекающий возможность появления в воде хищников и нежити. Речка была быстрая, и подняться вверх по течению большим хищникам и нежити (речная нежить неповоротлива) было довольно трудно. Была возможность, что в реке окажется нечисть, но вероятность этого была крайне мала, к тому же у всех детей были охранные амулеты. Компания ребят за ограду деревни вышла, чуть зайдя в воду, вообще-то они должны были выйти через охраняемую калитку, но туда долго идти, вдоль речки быстрее получается. Охранник таких калиток и ворот, конечно, выпустил бы, но перед этим долго бы рассказывал, что и как надо делать, а чего нельзя, кого опасаться. Кому охота такое долго выслушивать, тем более что такие сторожа, как и ограда, – фикция, основная защита деревни – магический охранный круг. Дети обошли забор по мелководью и остановились, всё-таки надо выйти из-под деревенской защиты. Но там манила к себе небольшая заводь, день был жаркий и поплескаться – ой как хочется! Но страшно, эта заводь уже за пределами деревенского охрannого круга. Но всё же желание пересилило осторожность, и дети с визгом посыпались в воду. Листвяна не стала исключением, но она в отличие от остальных, непроизвольно старающихся держаться ближе к деревне и её защитному кругу, поплыла к дальнему краю заводи. Девочка ныряла и кувыркалась, получая удовольствие, как оказалось, она плавала гораздо лучше остальных ребят. Во время одного такого ныряния скрывшаяся под водой Листвяна долго не показывалась из-под воды, так долго, что это вызвало беспокойство остальных. Дети выбрались на берег и собрались уже бежать в деревню, чтоб рассказать о случившемся несчастье: о том, что утонула их новая подружка. А может и русалки утащили или ещё того хуже – водяник поймал девочку!

Но тут из под воды появилась Листвяна и она была не одна! С ней была русалка! Дети испуганно закричали, а Листвяна как ни в чём не бывало выбралась на берег, и неизвестно откуда взявшийся тёплый ветерок обсушил её смуглую, чуть золотистую кожу и высушил рыжие волосы. Русалка немного отодвинулась от девочки дальше в воду, а вот сама Листвяна на ветерок не обратила внимания, как будто это было в порядке вещей.

– Что ты будешь делать? Ведь он сюда плывёт, сейчас здесь будет, – сказала русалка, словно продолжая разговор. Девочка пожала плечами:

– Подожду, посмотрю, там видно будет.

– Но он же... – начала русалка, но не смогла закончить, ей помешал детский крик. Ребятня вопила от ужаса – через перекат, отделявший заводь от вытекавшей из неё речки, перебирался водяник! Перекат был слишком мелкий для него, и он почти весь показался над водой. Зелёный, похожий на большую лягушку, но даже самая отвратительная лягушка по сравнению с ним выглядела бы красавицей. Шкура водяника была покрыта коричневыми бородавками, а голову почти надвое делила огромная зубастая пасть. Глаза, горевшие жёлтым огнём, дополняли картину.

– Ой пропала я! – запричитала русалка. – Убежать вверх по течению не смогу, там ваша деревня с охранным кругом, а вниз... Дорогу водяник перекрыл. Он меня съест или водяницей сделает, не знаю, что хуже!

Водяник издал звук, напоминающий рычание и бульканье одновременно, а Листвяна, без страха даже с интересом разглядывающая речное чудовище, произнесла:

– Ага!

В этот момент упало сухое дерево, несколькими сучьями пробив водяника насквозь. То ли под действием течения, то ли под собственным весом. Дерево перевернулось, и ветки, на которые было наколото водяное чудище, оказались сверху, выдернув извивающегося водяника из реки и выставив на солнце, не оставляя ему шансов на спасение. Пробившие водяника ветки, вошедшие глубоко в тело, не позволят освободиться, а лучи жаркого солнца высушат водяного жителя менее чем за полчаса.

– Он же умрёт! Его солнце быстро высушит! – очень эмоционально отреагировала на случившееся русалка.

– Хррр! – согласился с ней водяник.

– Если тебе его жалко, можешь снять, – посоветовала Листвяна и предупредила: – Только, боюсь, он из тебя водяницу делать не будет, а тобой закусит. Так сказать, в знак благодарности.

Русалка скользнула в воду (при появлении водяника она почти вылезла на берег) и, осторожно перевалив через перекат, ушла вниз по течению реки.

– Водяник почуял добычу, ваш запах-то вода вниз сносила, вот и поплыл сюда, – произнесла Магда, она и Дрим стояли у самого охранного круга. Староста деревни держал в руках арбалет с серебряным болтом, и судя по свечению вокруг этой стрелы, болт был ещё и магическим. А знахарка продолжала говорить, обращаясь к одевающейся Листвяне: – Русалка-то тут от него пряталась. Вверх по реке уплыть не могла – охранный круг её бы не пропустил, а за перекатом её водяник ждал. Подойти близко к деревне боялся, но тут столько лакомства появилось, вот он на запах и пошёл, забыв об осторожности. Тут бы он вами и пообедал.

– Если бы Магда не почуяла опасность и не предупредила меня, то точно у водяника сегодня был бы пир! – обращаясь к детям, укоризненно произнёс Дрим и наставительно добавил: – Выходить из деревни надо через охраняемые ворота или калитки, а не через дыры в заборе!

– Но у нас же защитные амулеты! И мы их не снимали, когда купались! – возразил один из мальчишек, осмелевший когда опасность миновала.

– Водяник этот амулет не стал бы есть, это точно, – улыбнулся Дрим и пояснил: – Он бы его выплюнул. Даже мой амулет не спасает от этой нежити, только серебряный зачарованный болт!

– Или большая сухая осина, – добавила Магда и, глядя на уже затихшего водяника, достала серебряный нож: – Подожду, когда совсем сдохнет, потом кое-что вырежу. Свежий водяник – большая удача и ею надо воспользоваться.

– Дядя Дрим, так мы пойдём? Водяник-то сдох, – произнёс самый смелый из ребячьей компании, ответила Магда, внимательно глянув на Листвяну:

– Идите, если собрались, чего уж, – когда дети убежали, она добавила, укоризненно качая головой: – А дыры в ограде, Дрим, надо бы заделать.

А мужчина, рассматривая остаток ствола осины, торчащий из земли, произнес:

– Дерево хоть и сухое, но ещё крепкое. Ветра-то не было, чего оно сломалось?

– Да так вовремя сломалось и упало куда надо, а ты не увливай! Дыры заделать надо! И как можно скорее! – усмехнувшись, но при этом строго сказала Магда и, задумчиво глядя в след ребятам, добавила: – Кто же ты такая, Листвяна?

Ягоды были большие и вкусные – корзинки и животы наполнились быстро. Идти домой не хотелось, и дети затеяли игру в салочки. Листвяна бегала наравне со всеми, и нельзя было сказать, что она быстрее остальных. Детвора так увлеклась игрой, что позабыла обо всём, опомнились только тогда, когда начало темнеть. Дети засобирались домой, всё-таки идти надо было почти три аллы, как вдруг раздавшийся вой заставил их поспешить. Вой доносился из леса, до которого от этой рощи было довольно далеко, алл десять, поэтому дети

не очень и испугались. Но всё же эти угрожающие звуки заставили маленьких собирателей ягод поторопиться, но выйти из рощи им не удалось, дорогу к деревне преградила стая серо-коричневых зверей.

– Мамочка! Почему мой амулет молчал? – заплакала одна из девочек, остальные к ней присоединились. Кто-то из мальчишек предложил:

– Бежим обратно! Залезем на деревья и звери нас не достанут!

– Это короты, они по деревьям запросто лазят, – произнёс самый старший и пояснил молчание амулетов: – Короты звери, а не нежить. Вот амулеты и не предупредили.

Девочки заревели в голос, к ним присоединились и мальчишки, только двое старших ребят не плакали, а кусали губы – положение было безвыходным.

– Они нас съедят! – плакали уже все дети.

– Не-а! – не плакала только рыжая девочка, перехватив поудобнее корзинку с ягодами (остальные тоже не бросили свои корзинки, несмотря на бедственность положения), она шагнула вперёд, выставив перед собой свободную руку и грозно сдвинув брови, сказала: – Уходите!

Неизвестно, что на ладошке Листвяны увидели лесные хищники, но они попятись, при этом многие из них поджали хвосты. Девочка шагнула вперёд, заставляя коротов попятиться. Неспешно шагая, девочка продолжала держать перед собой вытянутую руку, ребятня, перестав всхлипывать, тесной кучкой шла за ней следом. Расступившиеся звери не убежали, а потянулись за детворой. Листвяна, продолжая держать перед собой руку, переместилась так, чтоб находится между кучкой детей и стаей хищников.

– Не бежать! Идём спокойно! – скомандовала Листвяна и добавила: – Если они бросятся на нас, я их не удержу!

Медленно отступая, детвора приблизилась к ограде деревни, только у самых ворот их заметили, всё-таки сгущающие сумерки ограничивали видимость. Ударил надвратный колокол, и двое мужчин, выбежавшие из ворот, разрядили в стаю зверей свои арбалеты. Обе стрелы попали в цель, при этом не просто убив зверя, а взорвавшись небольшим огненным клубком. Дети с визгом бросились в распахнутые ворота, а оттуда выбежали ещё двое селян и выстрелили в лесных зверей. Первые два стража успели перезарядить арбалеты, и новые огненные клубки если не остановили коротов, то не дали им приблизиться. Воспользовавшись этим, люди вернулись в селение, закрыв ворота, один из мужчин нёс рыжую девочку. Листвяна начала оседать на землю, как только были сделаны первые выстрелы.

Окованные железом ворота не спасли бы жителей деревни от хищников, те бы в них не ломались, а просто перелезли бы через бревенчатую ограду, преградой стал магический охранный круг. Короты бесновались в метрах трёх от стены, но созванные надвратным колоколом жители деревни заняли места у частокола. Зачарованные арбалетные болты били без промаха. Ни один корот не ушёл, перед воротами полегла вся стая. Дети, позабыв свои недавние страхи, тоже висели на частоколе (там, где были свободные места) и громкими криками выражали свой восторг, наблюдая избиение лесных хищников.

– Большая стая, – произнёс один из мужчин и добавил: – Повезло мелким, что идущие по следу короты догнали их у самых ворот. От стаи этих хищников ни в лесу, ни в чистом поле спасения нет!

– Они хотели нас съесть ещё у рощи, где мы ягоды собирали! – пискнула девочка, что звала мамочку, когда появились короты. Её поддержали и другие дети, теперь, когда испуг прошёл, а с хищниками расправились, произошедшее выглядело как героическое приключение: отважная ребятня сумела удрать от лесных хищников!

– Съесть ещё у рощи? Так они ещё там на вас напасть хотели? – удивился мужчина, а староста Дрим поинтересовался:

– И как же вам удалось от них убежать? Даже если вы бежали сломя голову, удрать от хорота не получится! Так что произошло на самом деле? Где вы встретили коротов? Говорите правду, это важно. Таких стай может быть несколько, и тем, кто встретит другую стаю, может так не повезти, как вам.

– Да что их слушать, я же видел – они подошли к воротам, и сразу стая за ними появилась. Говорю же – повезло мелюзге, что эти твари их раньше не догнали! – вмешался тот же мужчина, видно, охранявший ворота.

– У рощи! – выкрикнул мальчишка, уязвлённый, что ему не верят. Девочка, у которой ещё и слёзы не просохли, плачущим голосом дополнила:

– У рощи! Они так страшно выли и рычали...

– Сначала выли, а рычали потом, когда Листвяна им сказала уходить... – поправил подружку паренёк. Но та, не обращая внимания на поправку, продолжала рассказывать: – Листвяна им сказала уходить и показала куда, вот так руку вытянув. Но они туда не пошли, а шли следом за нами и рычали! А Листвяна сзади была и всё им показывала куда...

– Постой, постой, – остановил девочку Дрим, – давай сначала и подробнее.

Рассказывала не только эта девочка, в этом приняли участие все дети. Они говорили, перебивая друг друга, и их рассказ изобилдовал такими событиями, которых и в принципе быть не могло. Но Дрим, и не только он, выделил главное – короты испугались, когда увидели ладошку Листвяны или то, что было на ней, чего так и не увидели остальные дети. Дрим повернулся к Суриме, державшей на руках приёмную дочь. Женщина отрицательно покачала головой, показывая, что не позволит сейчас трогать Листвяну, Дрим согласно кивнул – он может поговорить с девочкой и позже, может, она расскажет, что произошло возле рощи. Вроде как у старосты и этого необычного ребёнка установились вполне дружеские отношения, вряд ли Листвяна будет что-то скрывать от Дрима. Но некоторые из селян думали иначе. Одна из женщин, после рассказов детей сделавшая какие-то свои выводы, закричала визгливым голосом:

– Она ведьма! Чёрная ведьма! Недаром же её даже короты испугались. Её надо прогнать из деревни, а лучше – сжечь!

Эта женщина оказалась не одинокая, её поддержало несколько селян. И ещё не толпа, но уже достаточное количество людей надвинулось на Суриму, пытавшуюся прикрыть Листвяну. Дрима, вставшего на пути у своих односельчан, просто отодвинули в сторону. Между разгорячёнными селянами и Суримой встала Магда:

– Да, пусть Листвяна ведьма! Я ведь тоже ведьма, так почему вы меня не пытаетесь сжечь?

– Ты наша ведьма, а она чёрная! – закричала та же женщина, сразу обвинившая Листвяну и теперь протягивающая руки, словно собиралась забрать девочку у Суримы. Магда решительно её оттолкнула:

– Она еще маленькая, пусть и сильная, но маленькая! Но постоять за себя может! Какой ведьмой она станет, зависит от вас! От вашего отношения к ней, подумайте люди! Только от вас зависит – кем она станет! Будет творить зло или добро!

– Отойди, Магда! – произнёс человек в длинном одеянии и, подняв руки к небу, провозгласил: – Ведьма – прислужница Тофоса и должна гореть в огне! Так говорит светлый Ирха! На костёр ведьму!

Несколько рук сразу потянулись к Суриме, пытаясь забрать у неё девочку, а жрец продолжал говорить:

– Отдай исчадьё Тофоса, Сурима, иначе вместе с ней пойдёшь на костёр! А ты, Магда, отойди в сторону, за твои дела тебя ещё постигнет справедливая кара!

– Опомнитесь, люди! Что вы делаете! В чём виновата Листвяна?! В том, что спасла ваших детей?! – закричал Дрим, но его не слушали, а жрец, ещё больше возбуждая толпу, подняв руки, провозгласил, словно читая проповедь:

– Ведьма должна гореть! Только очистительный огонь способен разогнать мрак тёмного Тофоса! Покайтесь и смиренно примите волю Ирхи! – повернувшись к стоящим отдельной группой вокруг Сурины Зуру, Дриму и Магде, жрец грозно изрёк: – Вы, подобравшие ведьму, покайтесь и смиритеесь! А ты, Дрим, недостойный быть старостой деревни!

Сурина теснее прижала к себе обмякшую и неподвижную приёмную дочь. Дрим непроизвольно стал нащупывать несуществующий у него меч, а Магда начала что-то шептать. Только Зур стоял неподвижно, обнимая и поддерживая жену. А жрец продолжал, сначала обратившись к этой группе, а потом к остальным жителям деревни:

– Покайтесь и смиритеесь! Хватайте ведьму, добрые люди, в костёр её!

Руки нескольких селян, пытавшихся схватить девочку, только коснулись её, как она открыла глаза, что-то в них было такое, что люди отшатнулись, осеняя себя знаком Ирхи, знаком, отгоняющим демонов Тофоса. Девочка встала на ноги и сняла платье, отдавая его Суриме, сказала:

– Возьми, а то сгорит, жалко будет.

Женщина машинально взяла платье Листвяны и глянула на горящий у ворот костёр. Он всегда горел у ворот деревни, такие костры горели и у малых калиток, в случае опасности огонь можно было сдвинуть на место выбитых ворот или калиток. Сломать ворота мог большой зверь или особо огромная нежить, если звери и нежить были поменьше, их можно было отогнать, бросая горящие палки, выхватываемые из костров. Большой зверь, стая таких зверей могли пробить магический защитный круг, а ворота и калитки были самым уязвимым местом в ограде. Сурина поняла, что девочка хочет сделать, и заголосила. Листвяна обняла её, сказав: «Не плачь, мамочка, со мною ничего не случится», шагнула в костёр.

Бьющуюся в истерике Суриму с трудом удерживали Зур и Дрим. Женщина кричала:

– Она назвала меня мамой! Первый раз назвала! Она спасла ваших детей! А вы её... Нелюди! Будьте прокляты!

Люди виновато переглядывались, ведь и правда – Листвяна ничего плохого никому не сделала, защитила детей от хоротов, а они... А девочка поступила самоотверженно и благородно, понимая, что обвинить в ведовстве могут и её приёмных родителей, сама шагнула в костёр, принимая мученическую смерть! Жрец, увидев перемену в настроении селян, закричал:

– Ирха вразумил ведьму, и она сама решила очиститься в священном пламени! В благословенном пламени, которое противостоит холоду и мраку владений Тофоса! Да сбудется воля светлого Ирхи! Несите же хворост, бросайте его в огонь и пусть очистившаяся душа ведьмы вознесётся на суд к Ирхе!

Люди, поддавшись влиянию жреца, стали носить хворост и бросать его в огонь, радостно принимающий эти подношения и поднявшийся выше деревенской ограды. А жрец обратил внимание на Дрима, продолжавшего вместе с Зуром удерживать Суриму:

– Ты недостоеен быть старостой, вместо тебя теперь будет Грум! Подойди сюда, мой мальчик, и получи благословение светлого Ирхи. Люди! Отныне староста Больших Трав благочестивый Грум!

– Вот так просто, без выборов... – тихо пробормотал Дрим, но жрец его услышал и, указывая пальцем на уже бывшего старосту, прокричал:

– Молчи, нечестивец! – затем палец жреца переместился на сжавшегося Зура, и служитель Ирхи, вынес ещё один приговор: – Нечестивцы, приютившие ведьму, тоже должны быть преданы костру. Но Ирха в своей безграничной милости оставляет им жизнь, дабы они

смирением и покаянием искупили свою вину! Зур и Сурима будут изгнаны из Больших Трав, а их имущество отойдёт храму!

Жрец многозначительно посмотрел на Грума, и тот важно кивнул:

– Да будет так! Изгнаны будут Зург, Сурима и их домочадцы. Уйти должен и Дрим, его имущество также отходит храму.

– Лихо одним махом от конкурента новый староста избавился, заодно храм чужое добро получил, – хмыкнула Магда, чем обратила внимание жреца на себя, теперь палец служителя Ирхи был наставлен на знахарку:

– Ведьма Магда, тоже должна быть сожжена!

– Костёр-то занят, где жечь будете? – ехидно спросила знахарка, не выказывая страха. Жрец на мгновение растерялся, но быстро опомнился и злобно закричал:

– Ведьма Магда заслуживает немедленной смерти! Немедленной! Так не будем же мешкать, побьём её камнями! Несите камни!

Люди кинулись кто куда и вскоре стали возвращаться, держа в руках камни разных размеров. Магда побледнела и попыталась отойти от Зурга и Суримы, которую до этого пыталась утешать. Но знахарку удержал Дрим:

– Пусть попробуют бросить, хватит ли у них смелости и совести.

– Хватит, зачем вам вместе со мной умирать? – ответила Магда, Дрим усмехнулся:

– Изгнание из деревни – верная смерть. Если бы в другое время, то была бы возможность добраться до города, но сейчас... Ещё две стаи коротов где-то неподалёку.

И словно подтверждая эти слова, раздался тоскливый вой.

Пока жрец отвлекал внимание людей своими гневными речами, никто в костёр ничего не подбрасывал, а хворост прогорает быстро, и когда пламя стало намного меньше, селяне вместо обгоревшего тела увидели невредимую девочку, свернувшуюся клубочком в самой середине костра так, как будто она спала, при этом девочка улыбалась.

– Листвяночка! – снова закричала Сурима, девочка, а может, это был просто морок – ведь в огне никто не уцелеет, словно услышала – открыла глаза и потянулась. Потом села и стала протирать глаза, как ребёнок после сладкого сна.

– Листвяночка! – снова закричала Сурима, пытаясь вырваться из рук мужа и сельского старосты. Девочка встала в догорающем костре и, глядя на замолчавшего жреца, сообщила:

– Холодно стало! Уже не греет!

Огонь есть огонь, и он независимо от того, какое пламя большое или маленькое, всё равно жжёт! Да и как, вообще, может быть, что пламя не то что жечь, греть перестало? Люди, забыв то, что хотели сделать, с недоумением и даже страхом смотрели на костёр и на девочку. Не столько на костёр, сколько на Листвяну. Первой опомнилась Магда, громко и обличительно закричавшая, указывая на жреца:

– Священный огонь Ирхи не греет! Не потому ли, что среди нас слуга Тофоса?! Нечестивец, смущающий нас лживыми речами? Тот, кто хотел предать лютой смерти ребёнка, спасшего ваших детей? Но милостивый Ирха не позволил совершиться злодейству и явил нам чудо! Священный огонь (а как ещё можно назвать это очистительное пламя?) не тронул Листвяну!

Люди внимательно слушали свою знахарку, пожалуй, даже внимательнее, чем жреца перед этим. Сурима, воспользовавшись тем, что внимание Зурга и Дрима отвлекла Магда, вырвалась из рук мужчин и выхватила свою приёмную дочь из костра. Хоть огонь уже и был слабый, но он должен был обжечь женщину и поджечь её одежду, но этого не произошло. Сурима обнимала девочку, причитая при этом:

– Листвяночка, доченька, ты не обожглась? Как ты себя чувствуешь?

– Нет, мама, не обожглась, только замёрзла.

Люди замерли, на их глазах произошло если не чудо, то что? Даже жрец утратил своё красноречие, только недоумённо глядел на обнимающихся Суриму и её дочь. А вот Магде произошедшее будто придало сил, и она снова закричала, продолжая указывать на жреца:

– Вот! Вот кто настоящий слуга тёмного Тофоса! Притворяется служителем светлого Ирхи, а сам делает своё чёрное дело! Уж не он ли причина бед, свалившихся на нашу деревню в последнее время? А хороты? Не он ли их подманил и натравил на наших детей? Только не удалось ему это чёрное дело, Листвяна не дала детям погибнуть? Тогда он решил сжечь эту отмеченную светлым Ирхой девочку, но Ирха заступился за неё и явил нам чудо! Я не удивлюсь, что у этого нечестивца, появятся отметки Тофоса, заиндевеют усы и борода!

При этих словах Магда скосила глаза в сторону Листвяны и многозначительно поглядела на девочку, та улыбнулась – и у жреца усы и борода не то что заиндевели – превратились в сосульки! Сосулками стали усы и длинные волосы! Магда, словно обрадовавшись, обличительно закричала:

– Вот, кто настоящий слуга Тофоса, он и должен...

Что должен жрец, Магда сказать не успела, в лукавого служителя Ирхи полетели камни. Гнев толпы, который он так старательно готовил, стараясь направить на Магду, обратился против него самого. Люди старательно забрасывали его камнями, меньше чем через тридцать секунд всё было кончено. Грум, видя, что случилось с его дядей, постарался улизнуть, пока гнев людей не обратился и против него. Приоткрыв ворота, он выскользнул за ограду. Но, видно, далеко не ушёл, раздалось победное рычание, перешедшее в вой. Раздвигая створки ворот, появились головы коротов, щёлкающих большим зубами.

– Они пробили защиту! – послышались панические крики. Дрим закричал:

– Бросайте в них... – он хотел сказать – горящие ветки, но осёкся, костёр догорал, а ветки и заготовки факелов для метания сожгли, когда пытались расправиться с ведьмой. Отбиваться от коротов было нечем, и стая лесных зверей вот-вот хлынет в деревню, чтобы напасть на растерявшихся людей. Сурима, державшая на руках Листвяну, стояла ближе всех к воротам, так как она находилась у потухающего костра, а он был у самых ворот, девочка и её мать должны были стать первыми жертвами хищников, но этого не произошло. Листвяна протянула вперёд свои ручки, и сорвавшийся с её ладошек огонь вымел коротов за ворота. Дрим бросился к воротам и закрыл их, потом подхватив чей-то брошенный арбалет, поднялся на стену. Бревенчатая изгородь не была преградой для серо-коричневых хищников, их когти позволяли им не только взбираться на деревья, но и на деревянные стены. Глянув вниз со стены, Дрим присвистнул от удивления, то же проделали и несколько мужчин, поднявшихся вслед за ним – почти вся стая, и немаленькая, лежала перед воротами в виде обугленных туш, только два зверя, повизгивая, убегали, уже преодолев значительное расстояние, было видно, что и им досталось.

– Огненная ведьма, – прошептала Магда, тоже поднявшаяся на стену, но сделала это так, чтоб услышал только Дрим.

На центральной площади деревни Большие Травы (если это можно назвать площадью) собрались женщины с вёдрами. Они пришли к общественному колодцу по воду. Вообще-то колодцы были в каждом дворе, и воду можно было набрать там, но разве у своего колодца поговоришь с соседками? Обсудишь последние события? Поделишься свежими новостями? Вот и сейчас собравшиеся у колодца женщины что-то активно обсуждали.

– Наверное, о нас говорят, – сделала предположение Листвяна, вместе с Магдой наблюдавшая за собранием у колодца. Магда улыбнулась и согласно кивнула:

– О ком же ещё так долго говорить можно? Последние две недели только об этом и говорят, никак не могут выяснить: ведьма ты или святая?

– Ага, – кивнула девочка и предложила компромиссное решение этой животрепещущей проблемы: – Ты им скажи, что я святая ведьма, и пусть они уже успокоятся.

Магда внимательно посмотрела на Листвяну, сельская знахарка и сама до сих пор не могла определить – кто же такая Листвяна. Всё указывало на то, что девочка – огненная ведьма, но огненные ведьмы не любят воды, не боятся, а именно не любят. А Листвяне нравилось плескаться, и она могла долго лежать под водой, явно получая от этого удовольствие. Да и с русалками, как уже знала Магда, девочка дружила, они её принимали как свою, а такого просто не могло быть, если Листвяна огненная ведьма! А знание трав и растений и их целебных свойств? Магда взялась обучать Листвяну этой науке, но скоро убедилась, что девочка может её саму многому научить. А такие знания у ребёнка указывали на родство с лесным народом: – дриадами, мавками, лешими, кикиморами... Хотя вряд ли с последними, девочка была рыжей и довольно симпатичной. Красивой ли? Об этом рано говорить, Листвяна ещё маленькая, и если красива, то как симпатичный ребёнок. Лёгкий ветерок слегка растрепал рыжие волосы девочки, хотя куда уж дальше растрёпывать эту непокорную копну, приоткрыв чуть заостренное ушко. Эти ушки могли указывать на родство девочки с эльфами, а слегка заострённые зубки – опять же на родство с лесным народом! Но огонь несовместим с жителями леса! Магда вздохнула – она опять запуталась в своих рассуждениях и попытках понять, кто же такая Листвяна? На прямой вопрос девочка раньше пожимала плечами – видно, и сама не знала. Теперь же с гордостью отвечает – я мамина! А вот Зура Листвяна по-прежнему не называет отцом, а только по имени. Листвяна прервала размышления Магды, задав вопрос, указывая на женщин у колодца:

– Магда, а почему они хотели меня сжечь, а маму прогнать? Ведь они совсем не злые, вон Сурита меня всегда молочком угощает, а тогда со всеми кричала, что я чёрная ведьма, а я совсем не ведьма! Ни чёрная, ни зелёная, ни даже огненная, как ты думаешь.

Знахарка прежде чем ответить быстро взглянула на девочку, недавно Магда подробно рассказала Листвяне о ведьмах, объяснив, какие они бывают и чем друг от друга отличаются. Девочка очень внимательно слушала и, видно, все эти признаки примеряла к себе. Похоже, Листвяна действительно не знает, кто она такая, а сделав выводы из рассказа Магды, решила, что она точно не ведьма. Знахарка снова задумалась, но встретившись взглядом с терпеливо ждущей ответа девочкой, стала объяснять:

– Милые люди и добрые соседи, тебе кажется, что они тебя уважают и даже любят, но собравшись в толпу... Толпа – это многоголовый дикий зверь, жаждущий твоей крови, которого очень трудно остановить. Потом, когда наваждение пройдёт, люди, может быть, и пожалеют о содеянном, но пока они толпа...

– И ничего нельзя сделать? Успокоить, объяснить? – спросила Листвяна, широко распахнув свои и без того большущие зелёные глаза.

– Можно, – усмехнулась Магда, – подсунуть вместо себя другую жертву. Толпа такой зверь, что пока не напьётся крови, не успокоится.

Листвяна кивнула и задумалась, видно, вспоминая недавние события, при этом её глаза потемнели, став почти чёрными. А Магда могла бы рассказать, что это не первый случай, когда её хотели побить камнями, но не стала этого делать, а предложила:

– Пошли к колодцу, нас уже заметили, и если будем тут долго стоять, то могут заподозрить, что мы замыслиаем что-то недоброе.

– Ага, – кивнула девочка и высказала предположение: – Тогда они превратятся в толпу?

Магда, ничего не ответив, пошла к колодцу, увлекая девочку за собой, там со всеми поздоровавшись, сообщила:

– Мы с Листвяной пришли набрать воды для лекарственного зелья. Нужна вода именно из этого колодца.

– Ага! – подтвердила девочка. Одна из женщин, Хурита, делая умильное выражение лица, засюсюкала (насколько это можно делать визгливым и скрипучим голосом), обращаясь к Листвяне:

– Какая ты хорошенькая и как нарядно выглядишь... – начала говорить и осеклась под пристальным взглядом девочки, другая женщина обратилась к Листвяне как к равной:

– Спасибо тебе, после того как ты вылечила мою козочку, она стала молока давать почти вдвое больше и вкусное какое! Заходи, ещё угощу.

Девочка важно кивнула, а женщина продолжала:

– Давай, я налью тебе воды из своего ведра, зачем вам с Магдой время тратить, набирать из колодца? Я-то себе ещё наберу, мне не в тягость. А для кого вы будете лекарственное зелье готовить? Вроде никто не захворал и скотина у всех здорова.

– Для Галлы, – кивнула семилетняя (может, шестилетняя или даже пятилетняя, уж очень у неё был мал рост) девочка и солидно, словно была взрослой, продолжила: – Ты же знаешь, она маленькую ждёт. А роды – дело серьёзное, хочу, чтоб они легко прошли, вот и готовлю для неё зелье, что снимает боль.

– А откуда ты знаешь, что будет девочка? Ведь ты сказала – маленькую ждёт! Не маленького, а именно маленькую! – быстро отреагировала на слова Листвяны Хурита. Девочка пожала плечами и сказала как само собою разумеющееся:

– Так это же видно!

Знахарка и её ученица скрылись из виду, а женщины ещё долго смотрели им вслед, Хурита первой нарушила молчание:

– Ведьма она, ведьма! Клянусь и Ирху в свидетели призываю!

– Так Магда же сказала, что нет, – возразили ей, но переубедить Хуриту было трудно. Она заявила:

– Магда тоже ведьма! Вот она эту малявку и покрывает! Они обе чёрные ведьмы!

– Ты вспомни, как Листвяна хоротов у ворот жгла! – возразила Сурита, женщина, у которой девочка вылечила козу. – Чёрная ведьма огня боится и лечить не умеет, а ты вспомни, скольким Листвяна помогла и это без помощи Магды!

– Притворяется, – безапелляционно заявила Хурита и, подхватив свои вёдра, собралась уходить, потом повернулась к владелице вылеченной козы, прошипела: – Сдохнет, Сурита, твоя рогатая, вот увидишь, сдохнет! Потому что девчонка – ведьма!

– Чтоб твой язык отсох! – не выдержала Сурита. – Никакая она не ведьма!

– А вот приедут из города новый жрец и маг разбираться, почему жреца камнями побили, так всех на чистую воду выведут, все по заслугам получите! Ждите, скоро приедут! – оставила за собой последнее слово Хурита.

Глава 3. Некоторые особенности освещения и отопления

Сэр Мариит задумчиво смотрел в окно на главную площадь, если так можно назвать это место, деревни Большие Травы. Там, у колодца, толпились местные жительницы, пришедшие не столько по воду, сколько обменяться последними новостями и посплетничать. Мариит, командир орты, приданной к магу Иратону и жрецам Гудыму и Карту, уже давно смотрел в окно, краем уха слушая разговор, что вели члены комиссии по расследованию. Комиссия в составе мага и двух жрецов была прислана, чтобы разобраться со странной смертью местного служителя Ирхи, которого прихожане забили камнями, а тридцать всадников орты Мариита была та сила, что придавала этой комиссии вес (и должна была обеспечить исполнение приговора, если он будет вынесен).

– Побитие жреца Ирхи камнями – такой проступок, который обязательно должен быть наказан! – горячился младший жрец Карт, его можно было понять – ведь это он должен остаться жрецом местного храма, поэтому был кровно заинтересован в том, чтоб не повторить судьбу своего предшественника. Сэру Марииту совсем не хотелось проводить карательные действия в этой деревне, это не центральные районы королевства, где жители относятся к закону и его представителям (да и жрецам Ирхи) с должным почтением. Это, можно сказать, опушка проклятого леса, а здесь люди больше полагаются на себя и на соседей, чем на официальные власти, которые могут и не успеть прийти на помощь (да и сил у властей не было, чтоб откликаться на все такие просьбы). И к жрецам, да и к самому Ирхе, здесь особое отношение, четверть жителей, а может и треть, – полукровки, значит, нечисть в представлении храма. Судьба местного жреца – наглядное тому подтверждение, разве могло такое произойти в центральных районах королевства? А молодой жрец продолжал кипятиться:

– Все! Все, кто участвовал в этом святотатстве, должны быть наказаны! Примерно наказаны!

– Боюсь, что если мы это попытаемся сделать, то не выберемся из деревни живыми, – возразил старший жрец, а сэр Мариит пояснил:

– То, что у местных жителей не видно оружия, а именно мечей, ещё не о чём не говорит. У них у всех ножи, не уступающие в длине малому мечу, и владеют они ими виртуозно. Да и если мы сделаем попытку устроить показательное наказание, нас расстреляют издали, здесь в каждом хозяйстве есть арбалет, а то и несколько.

– Но владение таким оружием простым селянам запрещено королевским указом! – недоумевающе произнёс Карт, видно, слова рыцаря, как человека знающего местную обстановку, на него произвели впечатление. Младший жрец растерянно посмотрел на своего старшего товарища, тот только кивнул, то ли подтверждая слова рыцаря, то ли осуждая нарушителей королевского указа. А сэр Мариит продолжил просвещать младшего служителя Ирхи:

– Да, я ознакомлен с эдиктом храма о нечисти. Но если ему следовать, то придётся сжечь половину местных деревень, а некоторые даже целиком. Тут полукровок четверть жителей, если не больше. Я вам уже об этом рассказывал, ну и кто после такой решительной борьбы с нечистью налоги платить будет? Постарайтесь поладить с местными, они, несмотря на своё происхождение, не менее благочестивы, чем жители центральных районов.

Молодой жрец, недавний выпускник жреческой школы, совсем растерялся и, ища поддержки, посмотрел на старшего жреца, а тот подтвердил слова рыцаря:

– Местные селяне намного благочестивее живущих в центральных районах, знаете ли – обстановка обязывает...

– Но камнями!.. – не мог успокоиться Карт. Гудыма улыбнулся хорошо отработанной отеческой улыбкой:

– Вот для этого мы сюда и приехали, чтобы разобраться, какую ошибку допустил наш несчастный брат...

– Он хотел сжечь ведьму! Вот показания свидетелей! – потрясая пачкой исписанных листов, почти закричал младший жрец. Его старший товарищ и рыцарь только улыбнулись в ответ. Гудыма, продолжая улыбаться, спросил:

– Мы ознакомлены с этими показаниями, селянка Хурита очень подробно описала события и не только эти. Из её слов выходит, что почти все женщины селения – ведьмы. Знаете, что мне это напоминает? Когда вор кричит громче всех – держите вора! Надо бы её первую проверить!

– До неё тоже очередь дойдёт, а пока посмотрим на главную обвиняемую, – подал голос маг Иратон, показывая за окно, там по площади шла уже немолодая женщина, державшая за руку рыжую девочку. Ухмыльнувшись, маг добавил: – Такая маленькая, а уже ведьма.

– Вы действительно так считаете? – осторожно поинтересовался сэр Мариит, глядя на ухмыляющегося магистра, тот, стараясь не сильно растягивать улыбку, кивнув в сторону Карта, продолжавшего держать пред собой исписанные листы, произнёс:

– У меня трясутся коленки и дрожат руки, когда я вижу эту опасную и страшную ведьму!

– Но ведь её пытались сжечь и она не сгорела! – выкрикнул младший жрец. Маг продолжил ёрничать:

– Какой ужас! Её жгли, а она не захотела гореть! Что же она там в костре делала, когда её жгли?

– Она спала! – с надрывом привёл последний довод младший жрец, маг ухмыльнулся ещё шире:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.